

Елена Борисова

Родительство на расстоянии: транснациональные практики в семьях мигрантов из Таджикистана

Статья посвящена рассмотрению некоторых транснациональных практик в организации родительской заботы на расстоянии в семьях трудовых мигрантов из северного Таджикистана. Эмпирической базой послужило полевое исследование, проведенное в нескольких кишлаках Канибадамского района республики Таджикистан. В статье рассматриваются транснациональные практики, которые связывают родителей и оставшихся дома детей. Опыт родительства гендерно специфичен, отъезд матери на заработки не осуждается сообществом, поскольку он легитимируется наличием обязательств именно перед детьми. Однако материальной поддержки от такой матери недостаточно. Как правило, она не снимает с себя и других родительских обязанностей по воспитанию и эмоциональной поддержке детей, но осуществляет их с помощью современных средств коммуникации.

Ключевые слова: миграция, транснационализм, родительство на расстоянии, Центральная Азия.

В течение своей полевой работы я познакомилась с А. — женщиной 37 лет, которая на тот момент была домохозяйкой, воспитывала своих двоих детей и годовалого племянника, чьи родители уехали в Москву на заработки. По ее словам, он совсем не помнит их и поэтому не скучает, несмотря на то что его мама звонит каждый день и «разговаривает» с ним. Сама А. тоже очень хотела уехать в Россию после свадьбы дочери, оставив младшего сына со своей матерью. На мой вопрос, не боится ли она, что он будет скучать, она с удивлением ответила: «Нет. Не будет скучать. Телефон есть же! Каждый день будешь звонить...» Меня удивила та легкость, с которой многие женщины оставляют совсем маленьких детей с опекунами, отправляясь в Россию. При этом очевидно, что физически отсутствующие родители все равно присутствуют в жизни детей и, как правило, сохраняют свой родительский статус, и я задалась вопросом, каким образом организуется родительская забота в таких семьях.

Концептуальной рамкой для исследования является концепция транснационализма. Я исхожу из того, что миграция из Таджикистана в Россию носит транснациональный характер [Levitt, Glick Schiller 2004; Levitt, Jaworsky 2007]. Мигранты, приезжая

Елена Владимировна Борисова
Европейский университет
в Санкт-Петербурге
borisova.ebv@yandex.ru

в основном на заработки, сохраняют очень тесные связи с местом исхода и вынуждены следовать тем обязательствам, которые накладывает на них в месте исхода семья, социальное окружение, особенно в сельской местности. Они пребывают одновременно в нескольких социокультурных контекстах: перемещаясь между отсылающим и принимающим обществами, они вынуждены переключаться между различными культурными репертуарами и позиционировать себя в рамках разных систем референций, меняя свой статус, привычки, поведение и даже свой облик [Абашин 2012]. Очевидно, что миграция плотно вошла в образ жизни населения Таджикистана: уже выросло целое поколение, которое провело большую часть своей самостоятельной жизни в миграции, уехав туда сразу после вступления в брак.

В то время как российские исследователи до последнего времени не могли отойти от экономического детерминизма в интерпретации миграционных процессов и рассматривали миграцию как индивидуальный проект экономически рационального индивида, зарубежные антропологи давно обратили внимание на тот факт, что выстраивание миграционных стратегий чаще происходит не отдельным индивидом, а нуклеарной или расширенной семьей. Осознание этого факта сместило фокус в рассмотрении транснациональных потоков с отдельных индивидов на транснациональные семьи. Под транснациональными семьями понимаются такие семьи, члены которых разделены и проживают в разных государствах какое-то (иногда очень продолжительное) время, но, несмотря на это, поддерживают контакты, создают и всячески культивируют чувство семейного единства, своей общности, эмоциональной сопричастности друг другу. Такие семьи можно рассматривать как воображаемые сообщества, члены которых вынуждены постоянно активно работать над созданием и поддержанием чувства близости, чтобы их родственные связи не потеряли своей значимости [Bryceson, Vuorela 2002].

Статья написана по материалам полевого исследования, проведенного автором в августе 2014 г. и феврале 2015 г. в одном из джамоатов Канибадамского района Республики Таджикистан¹. В течение этих поездок я жила в семьях мигрантов, матери и дети в которых на определенном этапе были разделены границами. Моими информантами стали сами мигранты, члены их семей, которые никогда не были в России, а также директо-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в современной России» Европейского университета в Санкт-Петербурге при поддержке Российского научного фонда (грант № 14-18-02149).

ра, учителя и ученики двух школ с русским и таджикским языками преподавания. Среди основных методов исследования, помимо включенного наблюдения в семьях, были глубинные интервью как с мигрантами, так и с не мигрантами, опекунами и детьми мигрантов. Помимо интервью я попросила школьников написать небольшие сочинения, чтобы выявить их планы и ожидания по отношению к миграции, и составила небольшую анкету, чтобы соотнести их с миграционной историей родственников.

Теоретические аспекты изучения транснационального родительства

Феномен родительства на расстоянии, хотя и является далеко не новым, привлек внимание исследователей транснационализма сравнительно недавно. Однако поскольку ситуация разделенности родителей и детей воспринимается как аномальная и ненормальная, сначала к этой проблеме подходили с нормативной точки зрения. В публичных дискуссиях некоторых отсылающих стран тема отъезда родителей (особенно матерей) без детей на заработки обсуждается очень остро. Например, в Украине и Польше появился специальный термин с негативной окраской для оставшихся дома детей мигрантов — «евросироты», который очень быстро перекочевал из СМИ в отчеты некоммерческих организаций и даже научные публикации [Lutz, Palenga-Möllenberg 2012: 26]. Часто детям мигрантов, оставшимся на родине без родителей, в общественных дискуссиях приписываются различные психологические проблемы, склонность к девиантному поведению, проблемы с успеваемостью в школе. Не последнюю роль в этой дискуссии играют некоммерческие организации, журналисты, социальные работники, педагоги и политики в странах исхода, склонные к драматизации сложившейся ситуации [Zentgraf, Chinchilla 2012: 347–348].

Основанием для появления корпуса научной литературы, посвященной транснациональному родительству, послужило осознание того факта, что зачастую родители, уезжая в миграцию и оставляя своих детей в месте исхода, не снимают с себя обязанностей не только по материальному обеспечению детей, но и по их эмоциональной поддержке. В ситуации миграции происходит разрыв между идеологиями и практиками родительства, и для того чтобы его нивелировать, мигрантам приходится включаться в различные транснациональные практики, которые создают эффект одновременного присутствия и «здесь», и «там» (double presence), и / или переопределять понятия заботы и участия [Peng, Wong 2013: 492].

Следует отметить, что и среди исследователей транснационализма также существуют полярные точки зрения относительно того, насколько качественно можно осуществлять заботу на расстоянии. Так, Л. Балдасар утверждает, что чувство близости между родителями и детьми прямо пропорционально расстоянию и длительности разлуки и с неизбежностью ослабевает, несмотря на все усилия родителей по конструированию сопричастности [Baldassar 2007: 405]. Среди русскоязычных авторов можно отметить работы А. Толстокоровой, которая, смотря на эту проблему из гендерной перспективы, утверждает, что «любовь по телефону» не может существовать долго и даже «вредна» для и без того стигматизированных трудовых мигранток, поскольку влечет за собой «создание квазисемейного пространства», а использование современных средств коммуникации «способствует созданию иллюзорной идиллии в отношениях» [Толстокорова 2013: 154].

Другие авторы полагают, что утверждение о неизбежной травматичности и негативности опыта расставания родителей и детей основывается на нерелевантных европоцентристских посылах — за идеальную модель берется нуклеарная семья западного типа и модель интенсивного родительства. Все остальное, например расширенные семьи, где заботу о детях осуществляют не столько родители, сколько старшие члены семьи, рассматривается как отклонение от нормы. Исследователи, придерживающиеся этой точки зрения, предлагают сместить фокус на рассмотрение транснациональных контекстов, в которых существуют подобные семьи [Carling, Menjívar, Schmalzbauer 2012]. Мое исследование выполнено также в русле этого подхода. К сожалению, формат статьи не позволяет проанализировать все значимые аспекты организации родительской заботы на расстоянии, поэтому в этой работе я попыталась ответить на вопрос, через какие практики конструируется эмоциональная сопричастность и близость родителей и детей в ситуации миграции обоих или одного родителя.

Общий контекст

Несмотря на то что трудовая миграция из Таджикистана все еще остается по преимуществу «мужской», все чаще в миграцию приезжают и женщины [Тюрюканова 2011: 5]. Согласно официальным данным ФМС, по состоянию на 6 августа 2015 г. на территории России находились 157 770 женщин и 827 646 мужчин — граждан Таджикистана. Самыми многочисленными возрастными группами женщин-мигранток являлись 18–29-летние — 54 213 человек и 30–39-летние — 38 789 чело-

век¹. Если раньше отъезд женщин на заработки можно было себе представить лишь в исключительных случаях — это были, в значительной мере, разведенные или овдовевшие женщины, для которых миграция, помимо возможности самостоятельно обеспечивать своих детей, предоставляла также и возможность избежать давления сообщества, то сейчас довольно распространена практика, когда в миграцию уезжают оба супруга или, в некоторых случаях, даже одна женщина², в то время как мужчина остается с детьми³. Еще одной тенденцией, видимо, является вовлечение женщин в миграцию в более молодом возрасте. Большинство моих информанток, принадлежащих к поколению сорокалетних, поехали в миграцию не сразу, а присоединились к своим мужьям позже. Сейчас ситуация меняется, и в миграционные потоки включаются совсем молодые замужние женщины, что видно и из вышеприведенной статистики, поскольку их мужья часто имеют уже внушительный миграционный опыт до свадьбы, а следовательно, и достаточно ресурсов, чтобы забрать жен с собой⁴.

Исследователи миграции отмечают общемировую тенденцию: в последнее время матери все чаще принимают решение оставить даже совсем маленьких детей с опекунами, уезжая в поисках работы [Zentgraf, Chinchilla 2012: 374]. Согласно официальной статистике ФМС, на территории России находятся 82 711 мальчиков и 31 780 девочек — граждан Таджикистана в возрасте до 17 лет⁵. Дети составляют 11,6 % от общего числа граждан Таджикистана, пребывающих на территории России. С учетом того, что в Таджикистане преобладают расширенные многодетные семьи, очевидно не только то, что мужчины преимущественно не берут детей с собой, но и что многие женщины не могут забрать с собой всех детей⁶.

¹ Официальный сайт ФМС: <<http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/54891/>>.

² Имеется в виду без мужа, но, как правило, в компании других родственников или подруг.

³ Подробнее о разных категориях женщин в миграции см.: [Тюрюканова 2011: 34–39].

⁴ Следует отметить, что для молодых невесток отъезд в Россию вместе с мужем представляется очень привлекательной опцией, поскольку предполагает получение возможности жить более автономно и независимо сразу после свадьбы, не дожидаясь выделения из расширенной семьи, что позволяет избежать конфликтов со свекровью и другими родственниками супруга. Молодые невестки, оставаясь в доме родителей мужа, практически не имеют никакой автономии и подчиняются старшим членам семьи, что определяет потенциально конфликтные отношения между невесткой и родственниками мужа, особенно свекровью [Harris 2004]. Эти конфликты еще больше обостряются в ситуации миграции мужа, поскольку часто контроль расширенной семьи за поведением молодой невестки усиливается, а ее мобильность еще больше ограничивается [Reeves 2011].

⁵ Исследования детей мигрантов в России в основном лежат в русле интеграционных подходов и сосредоточены вокруг проблем взаимодействия с образовательной системой и системой здравоохранения [Александров, Баранова, Иванюшина 2012; Флоринская 2012; Сабирова, Андреева 2014].

⁶ По данным исследования Тюрюкановой, около 70 % женщин-мигранток из стран Центральной Азии оставляют детей на родине [Тюрюканова 2011: 46].

Несмотря на то что мобильность детей также постепенно растет, большинство из них все же остаются на родине родителей с опекунами довольно продолжительное время. Согласно моему опросу, проведенному в пяти старших классах¹ одной из школ Канибадамского района Республики Таджикистан, у 94 % детей на момент опроса были родственники в России, у 35 % — мама и папа, у 33 % — только папа, у 10 % — только мама. В числе прочих родственников чаще всего фигурировали дяди и тети по материнской и отцовской линии, старшие братья и сестры. 68 % опрошенных отметили, что их родственники ездят в Россию на протяжении нескольких лет, в интервью многие дети говорили, что их родители ездят в Россию около 8–10 лет.

В постсоветский период в центрально-азиатских республиках люди больше стали полагаться на родственные связи и вкладывать больше ресурсов в выстраивание родственных сетей [Ismailbekova 2014]. Эти связи легко актуализируются в кризисных ситуациях, что касается напрямую и ситуации миграции. Чаще всего дети мигрантов остаются со старшими членами расширенной семьи — бабушками и дедушками по отцовской линии. Другие варианты рассматриваются лишь в том случае, если в семье отсутствуют бабушки и дедушки или количество оставленных им внуков уже настолько велико, что они не в состоянии справиться с ними. Если у родителей есть выбор, с кем оставить детей, то они руководствуются несколькими соображениями. Во-первых, удобное географическое расположение, близость к школе играют большую роль, поскольку родители зачастую стараются не вырывать ребенка из привычного окружения. Иногда дети из одной семьи могут жить у разных родственников, однако такая ситуация не типична, поскольку не выгодна для мигрантов, которым в подобном случае приходится пересылать деньги одновременно в несколько разных домохозяйств, из-за чего нередко возникают конфликты. Немаловажной является и способность потенциальных опекунов обеспечить оставшимся детям — особенно девочкам — безопасность и осуществлять контроль над их поведением. В этом смысле предпочтение отдается домохозяйствам, где есть взрослые мужчины. Для некоторых моих информантов (тех, кто уже успел обзавестись собственным домом, завершить строительство и обставить комнаты) важным являлось найти такого опекуна, который бы согласился пожить во время их отсутствия в их доме и присмотреть и за домом, и за детьми, особенно в ситуации наличия «неблагонадежных» соседей. Однако

¹ Опрос проводился среди девятых, десятых и одиннадцатого русскоязычных классов. Общее количество опрошенных — 117 человек.

это возможно далеко не всегда, поскольку, как правило, большинство родственников, подходящих по возрасту и статусу, имеют свои домохозяйства. Поэтому большинство детей в отсутствие родителей проживают со своими опекунами.

Тем не менее родители продолжают выполнять воспитательные функции (с разной интенсивностью, о чем будет сказано далее), используя современные средства связи. Помимо этого, они стараются поддерживать эмоциональный контакт со своими детьми и культивировать чувство сопричастности и семейной близости. Далее я опишу те транснациональные практики, с помощью которых это чувство конструируется и поддерживается.

Транснациональные практики

Развитие мобильной телефонии и интернета привело к тому, что мигранты могут разделять одни и те же социокультурные практики, находясь территориально в разных концах света, тем самым объединяя отсылающее и принимающее общества в единое место социального действия. С. Вертовек назвал доступную мобильную связь «социальным клеем» транснационализма [Vertovec 2004]. Действительно, многие мои информанты, имеющие уже большой стаж миграции, сравнивая свой миграционный опыт до появления мобильных телефонов и дешевых тарифов и после, говорят о том, что звонки по телефону являются эффективным средством преодоления тоски по дому и детям, а также значительно «сближают» родственников, находящихся по разные стороны границы. По результатам опроса старших школьников, на который я ссылалась выше, 37 % моих информантов разговаривают с родственниками по телефону каждый день, 26 % — несколько раз в день, 18 % — раз в несколько дней и 12 % — раз в неделю. Программой Skype пользуются 52 % опрошенных, больше всего они ценят возможность увидеть своих родственников. Тем не менее доступ к ней из-за медленного и дорогого интернет-соединения в сельской местности имеют далеко не все. В таком случае обмен фотографиями частично может выполнять функцию репрезентации отсутствующего члена семьи. 66 % опрошенных регулярно обмениваются фотографиями со своими родственниками, как выяснилось, не только цифровыми (через социальные сети и мобильный интернет), но и бумажными.

В контексте материнской заботы ежедневные звонки по телефону являются привычной, хорошо отлаженной повседневной практикой. Благодаря им женщины не только выражают свою эмоциональную вовлеченность в жизнь детей, но и осуществляют повседневные воспитательные практики: контролируют

школьную успеваемость, круг общения, ограничивают мобильность детей, особенно дочерей, следят за исполнением обязанностей по дому и т.д.

Для того чтобы убедиться в том, что все идет хорошо, мигранты перепроверяют информацию, полученную от самих детей, используя другие источники: звонят опекунам, учителям и даже соседям. Например, М., мать пятерых детей, рассказывает, что старалась перепроверять информацию и получать ее из разных источников:

Соб.: *А вы им доверяете?*

М.: *Ну, доверяю, но проверяю.*

Соб.: *А как проверяете?*

М.: *Как проверяю...*

Соб.: *Если, например, они в России, а вы здесь, как?*

М.: *Про старшую спрашиваю у младшей, как она, с кем разговаривает, с кем общается. Она все секреты старшей знает, она мне скажет. Потом позвоню старшей, спрашиваю, как младшенькая, с кем дружит она, куда ходит, чего делает. У старшей спрашиваю. Они сами скажут, но всё равно я у старших, у друг друга у них спрашиваю и сестры (М., домохозяйка, 45 лет).*

Исследователи транснациональных семей обратили внимание на тот факт, что опыт родительства на расстоянии гендерно специфичен, и в большинстве контекстов матерям приходится прикладывать больше усилий для поддержания своего статуса, чем отцам [Parreñas 2001; 2008]. Традиционный патриархальный гендерный порядок в сельском Таджикистане предполагает, что главная функция мужчины — обеспечивать семью материально, в то время как женщины отвечают за биологическую и социальную репродукцию [Темкина 2005: 19]. Поскольку от матери изначально ожидается, что она в большей мере должна осуществлять эмоциональную заботу о детях, большинство моих информанток оценивали взаимоотношения со своими детьми как более близкие, чем их отношения с отцами, причем речь шла обо всех детях независимо от пола. К помощи отца прибегают, как правило, если ребенок совсем не слушается своих опекунов. Поскольку многие мужчины находятся в миграции по 10–15 лет и покидают своих детей, когда они совсем маленькие, некоторые дети не смогли рассказать мне о своих отцах ничего, кроме общих фраз, они характеризовали свои отношения с отцами как неблизкие, кто-то открыто говорил, что почти не знает своих родителей. Тем не менее в тех случаях, когда отцы полностью не дистанцируются от выполнения родительских обязанностей, они выполняют дисциплинирующую функцию и могут проявлять в этом вопросе не меньшую изобретательность, чем матери. Так, один информант для

контроля школьных успехов своих детей каждый день записывал для себя их оценки, которые они ему сообщали по телефону, а по приезде сверял с оценками в дневнике.

Информация в транснациональном пространстве курсирует очень быстро и доходит от одного конца до другого, по выражению одной из моих информанток, «быстрее, чем sms». Часто мне доводилось слышать, что мигранты получали информацию о происходящих на родине событиях раньше, чем их родственники на месте, поэтому как мигрантам, так и немигрантам довольно сложно что-то утаить от членов своей семьи.

С этим я столкнулась еще до поездки в поле. Весной 2014 г. я была в гостях у своей информантки С., матери четверых детей. У ее мужа была старая машина, С. уговаривала его продать ее перед отъездом, но он уехал в Таджикистан, оставив машину на стоянке. Ее сын, которому на тот момент было 20 лет, умел водить, но у него еще не было прав. В течение вечера он шутил, что пойдет кататься на машине, потом куда-то ушел и через некоторое время вернулся. Почти сразу позвонил его отец из Таджикистана и начал ругаться. Оказалось, что ему (отцу) кто-то из Петербурга позвонил в Таджикистан и сказал, что прямо сейчас видел его сына за рулем его машины.

Между тем элемент лжи в отношениях на расстоянии все же присутствует: обычно родственники предпочитают не сообщать друг другу о каких-то серьезных проблемах со здоровьем, иногда о материальных проблемах, а стараются делиться только хорошими новостями.

Соб.: *Ну то есть вы им все рассказывали, все новости?*

С.: *Ну, новости рассказывала, [пауза] а трудные дни не рассказывали. Они далеко. Что-то им сообщить — они будут беспокоиться, не смогут нормально работать, — что там, чего случилось, как случилось? — будут рваться сюда, а это большие расходы, дочка. Приезжай — уезжай — опять уезжай... это же средства. Поэтому трудные дни не говорили, а радостные дни всегда говорили (С., домохозяйка, 72 года).*

Одним из проявлений заботы также считается регулярный обмен подарками, иногда асимметричный, поскольку мигранты в восприятии отсылающего сообщества по определению находятся в позиции тех, кто должен «давать», а не получать. Родители стараются регулярно посылать детям шоколад, одежду, различные гаджеты (телефоны, планшеты, ноутбуки) и т.д., несмотря на то что купить это все на месте почти не представляет сложности. Некоторые матери предпочитают посылать своим детям вещи из страха, что посланные опекунам деньги будут потрачены не на ребенка.

В «эмной» иерархии моих информантов одной из главных и самых действенных транснациональных практик являются регулярные визиты домой, поскольку они дают возможность продемонстрировать свою заботу и вовлеченность не только через виртуальную манифестацию своих эмоций, но и непосредственно через определенные техники тела: объятия, рукопожатия, слезы радости и т.д. Помимо этого визиты важны и для поддержания своего статуса как члена местного сообщества. Так, 74 % родственников опрошенных мною детей приезжают раз в год, что, скорее всего, связано с особенностями миграционного законодательства, 11 % приезжают чаще, несколько раз в год, по-видимому, они заняты в сезонных работах, и 15 % приезжают раз в несколько лет.

В течение этих коротких визитов конструируется интимное пространство между родителями и детьми. Даже если дом не слишком уютен или находится в процессе строительства, для родителей важно забрать своих детей туда и жить «как нормальная семья» хотя бы один месяц в году, тем самым утвердив свой статус в глазах членов сообщества. В это время меняются и практики. Например, некоторые родители и сами дети говорили мне о том, что они делятся своими переживаниями с родителями только во время их присутствия дома, в остальное же время — только с опекунами. Родители во время этих визитов сами выполняют все воспитательные функции: контролируют школьные успехи, помогают делать домашнее задание, интересуются, с кем их дети дружат, наказывают их за провинности и т.д., даже если у них это не слишком хорошо получается. Но стоит им только уехать, как дети возвращаются в дом опекунов, и практики удаленной родительской заботы снова конституируются.

Режимы вовлеченности

Несмотря на распространенность современных средств связи, далеко не все матери, как это видно и из проведенного мной опроса, полностью вовлекаются в повседневность своих детей. Исследуя филиппинских мигранток в Гонконге, Пенг и М.Х. Вонг выделили несколько режимов дистанционной заботы: интенсивный, коллективный и пассивный [Peng, Wong 2013]. В моем случае также можно выделить несколько вариантов осуществления материнской заботы на расстоянии по степени их интенсивности.

В первом случае матери стараются полностью контролировать повседневность своих детей и находятся «на связи» 24 часа в сутки, звонят детям утром, днем и вечером. Такая конфигурация осуществления материнской заботы наиболее вероят-

на в том случае, если ребенок остался с опекунами, к которым по каким-либо причинам мать не испытывает особого доверия. Например, одна из моих информанток Н., мать троих детей, хотя и оставила детей с их отцом, уверена, что он не может в достаточной мере осуществлять воспитательные функции, поэтому она надеется только на себя.

Соб.: *Ну здесь их папа воспитывает, да?*

Н.: *Да. Папа воспитывает. Ну как воспитывает: рано утром он уехал, вечером приехал. Как воспитание. Что хотят, они делают.*

<...>

Соб.: *А она [дочь] слушается вас?*

Н.: *Да, слушается. Слушается.*

Соб.: *Даже когда вы в России?*

Н.: *Угу. Вот когда в России, каждый день по телефону: «Ты где? Где была? Что делаешь? Чем занимаешься?» Каждый день спрашиваю. А если так я её оставляю, а что будет там? Нет (Н., сиделка, 42 года).*

На противоположном полюсе находятся те матери, которые полностью делегируют свои родительские обязанности опекунам, будучи уверенными в их добросовестности. Такая конфигурация вероятна, если мать оставляет ребенка со своими родителями или родителями мужа при условии, что у нее с ними изначально сложились хорошие отношения. Эта ситуация неоднократно вызывала у меня удивление, например, одна из моих информанток не смогла ответить на вопрос, в каком классе учатся ее дети, и обратилась за помощью к своей матери, которая работает в школе. В таком случае нередко сами матери характеризуют отношения своих детей с опекунами как «более близкие», но такая ситуация не вызывает у них обеспокоенности или обиды.

Соб.: *А с детьми у вас не возникает каких-то конфликтов?*

М.: *Нет, у меня свекровка детей любит, и поэтому не возникали.*

А. (соседка М.): *Ее дети не любят ее, а бабушку любят. И ее дочка, и сынок.*

М.: *А вот я дочку замуж отдала, она с утра пришла не сюда, а сначала к бабушке туда, потом сюда пришла. Больше всего бабушку любит.*

Соб.: *А вы не обижаетесь?*

М.: *Нет, зачем? Она тоже вырастила их, зачем обижаться (М., домохозяйка, 45 лет).*

Посередине этого континуума находятся те, кто стремится поддерживать эмоциональную близость со своими детьми, но не старается полностью контролировать их повседневность.

Такие матери звонят своим детям несколько раз в неделю только для того, чтобы поделиться самыми важными новостями, поскольку, если они полностью уверены в опекунах, им не приходится контролировать школьные успехи детей, определять их круг общения и беспокоиться об устроенности быта. Вопросы контроля и воспитания также решаются через опекунов, тем не менее родители не дистанцируются полностью от воспитательного процесса, но в то же время они и не стараются воздействовать на детей напрямую.

Ну вот бабушка наша такая... это... строгая, она все время все проверяет. Да за сына, за дочку все время, если что, в школу тоже пойдет, не оставит их. Все время вот под контролем. Поэтому я там такая спокойная, иногда не думаешь, что вот дочка что там, или сын что-то. Они ели или пили, они не голодные, они не холодные, вот. Я про это не думала, потому что знаю — там бабушка, в эту сторону очень она строгая потому что, она не оставит их, вот сама голодная, но их кормит, да вот. Я слышу, некоторые бабушки даже не дают еду, вот всякие вот, бывают, не одевают, вот в эту сторону бабушка наша не такая (С., учительница, 35 лет).

Описав практики родительской заботы на расстоянии, было бы неправильно не упомянуть о связанных с этим конфликтных и проблемных ситуациях, которые с неизбежностью возникают в миграции. Несмотря на то что ситуация разделенности родителей и ребенка не характеризуется самими мигрантами как проблемная, некоторые все же отмечали, что дети не воспринимают их в статусе родителей — не слушаются, не помогают, неохотно переезжают к ним в дом в течение коротких визитов, держатся отчужденно. Однако подобного рода проблемы переживаются¹ не так сильно, как невозможность воздействовать на опекунов в контексте заботы о детях, если что-то пошло не так. Конфликты между родителями и опекунами можно охарактеризовать как типичные конфликты между мигрантами и немигрантами, и дети, не являясь непосредственно причиной конфликта, вовлекаются в уже существующий конфликт и невольно становятся его полноправными (в случае с подростками) или молчаливыми (в случае с маленькими детьми) участниками. Во многих случаях причиной конфликта становится асимметрия в отношениях в позиции мигрантов

¹ Эмоции являются очень важной темой в осмыслении феномена транснационального родительства [Baldassar 2008; Skrbiš 2008]. К сожалению, формат статьи не позволяет остановиться на этом аспекте. Отмечу только, что опыт переживания разлуки с ребенком почти всегда эмоционально окрашен, причем от женщины часто требуется публичная манифестация этих эмоций для подкрепления своего статуса заботливой матери. Не всем женщинам удается справиться со своей тоской по детям, что часто является причиной возвращения.

и немигрантов и / или неравное распределение ресурсов между домохозяйствами. Это может привести к тому, что дети не получают должного ухода и заботы, а деньги, которые пересылаются на их содержание, тратятся на другие нужды.

Заключение

Таким образом, мы видим, что родители, находясь в миграции, стараются принимать активное участие в жизни детей, оставшихся дома, и выстраивать интимное семейное пространство через транснациональные практики. Одной из важнейших практик являются краткосрочные визиты мигрантов домой, в течение которых мигранты наиболее интенсивно культивируют чувство принадлежности и семейной близости за счет воспроизводства практик, характерных для семей, не разделенных границами. Также огромную роль в этом процессе играют и современные средства коммуникации, в частности мобильные телефоны, с помощью которых родители могут осуществлять повседневные воспитательные практики: давать указания, контролировать поведение и школьную успеваемость ребенка и даже ограничивать его мобильность. Однако режимы родительской заботы на расстоянии также могут значительно различаться: выбор того или иного зависит от контекста миграции (характер занятости родителей, график работы), домиграционной истории семьи, отношений с опекунами, неравного доступа к современным технологиям коммуникации, каких-то внешних факторов (например, разницы в часовых поясах) и т.д. Несмотря на то что разделенность родителей и детей не воспринимается в сообществе как проблемная, в ситуации миграции в семейных отношениях неизбежно возникают разного рода напряжения, разрывы и конфликты, которые тем не менее не всегда ведут к дезинтеграции семьи. Каким образом мигрантам удастся выходить из этих проблемных ситуаций с минимальными потерями — вопрос, требующий дальнейших исследований.

Библиография

- Абашии С.Н.* Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3–13.
- Александров Д.А., Баранова В.В., Иванюшина В.А.* Дети и родители — мигранты во взаимодействии с российской школой // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 176–199.
- Сабирова Г.А., Андреева Ю.В.* Школьная дружеская компания подростка с миграционной историей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 72 (1). С. 170–189.

- Темкина А.* Гендерный порядок: постсоветские трансформации (Северный Таджикистан) // Гендер: традиции и современность. Сборник статей по гендерным исследованиям / Под ред. С.Р. Касымовой. Душанбе: Б.и., 2005. С. 6–92.
- Толстокорова А.В.* Любовь по телефону: роль мобильной телефонии в транснациональном материнстве украинских мигранток // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 16 (4). С. 142–158.
- Тюрюканова Е.В.* (ред.). Женщины-мигранты из стран СНГ в России. М.: МАКС Пресс, 2011. 119 с.
- Флоринская Ю.Ф.* Дети мигрантов в России: доступ к образованию и медицине // Демоскоп. 2012. № 515–516. <<http://demoscope.ru/weekly/2012/0515/analit02.php>>.
- Baldassar L.* Missing Kin and Longing to be Together: Emotions and the Construction of Co-presence in Transnational Relationships // Journal of Intercultural Studies. 2008. Vol. 29. No. 3. P. 247–266.
- Baldassar L.* Transnational Families and the Provision of Moral and Emotional Support: The Relationship between Truth and Distance // Identities: Global Studies in Culture and Power. 2007. Vol. 14. No. 4. P. 385–409.
- Bryceson D., Vuorela U.* Transnational Families in the Twentieth Century // Bryceson D., Vuorela U. (eds.). The Transnational Family: New European Frontiers and Global Networks. Oxford: Berg, 2002. P. 3–30.
- Carling J., Menjivar C., Schmalzbauer L.* Central Themes in the Study of Transnational Parenthood // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2012. Vol. 38. No. 2. P. 191–217.
- Harris C.* Control and Subversion: Gender Relations in Tajikistan (Anthropology, Culture and Society): L.: Pluto Press, 2004. 216 p.
- Ismailbekova A.* Securing Future Lives of Children through Ritualized Parenthood in the Village of Bulak, Kyrgyzstan // Anthropology of East Europe Review. 2014. Vol. 32. No. 2. P. 17–32.
- Levitt P., Glick Schiller N.* Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society // International Migration Review. 2004. Vol. 38. No. 3. P. 1002–1039.
- Levitt P., Jaworsky B.N.* Transnational Migration Studies: Past Developments and Future Trends // Annual Review of Sociology. 2007. Vol. 33. P. 129–156.
- Lutz H., Palenga-Möllenbeck E.* Care Workers, Care Drain, and Care Chains: Reflections on Care, Migration, and Citizenship // Social Politics. 2012. Vol. 19. No. 1. P. 15–37.
- Parreñas R.S.* Mothering from a Distance: Emotions, Gender, and Intergenerational Relations in Filipino Transnational Families // Feminist Studies. 2001. Vol. 27. No. 2. P. 361–390.
- Parreñas R.S.* Transnational Fathering: Gendered Conflicts, Distant Disciplining and Emotional Gaps // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2008. Vol. 34. No. 7. P. 1057–1072.

- Peng Y., Wong O.M.H.* Diversified Transnational Mothering via Telecommunication: Intensive, Collaborative, and Passive // *Gender and Society*. 2013. Vol. 27. No. 4. P. 491–513.
- Reeves M.* Staying Put? Towards a Relational Politics of Mobility at a Time of Migration // *Central Asian Survey*. 2011. Vol. 30. No. 3–4. P. 555–576.
- Skrbiš Z.* Transnational Families: Theorizing Migration, Emotions and Belonging // *Journal of Intercultural Studies*. 2008. Vol. 29. No. 3. P. 231–246.
- Vertovec S.* Cheap Calls: The Social Glue of Migrant Transnationalism // *Global Networks*. 2004. Vol. 4. No. 2. P. 219–224.
- Zentgraf K.M., Chinchilla N.S.* Transnational Family Separation: A Framework for Analysis // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2012. Vol. 38. No. 2. P. 345–366.

Parenting at a Distance: Transnational Practices in Migrant Families from Tajikistan

Elena Borisova

European University at St.Petersburg
Gagarinskaya str. 3, St.Petersburg
borisova.ebv@yandex.ru

In this paper, I consider some transnational practices in performing parental care at a distance in the families of labour migrants from northern Tajikistan. My research is based on fieldwork conducted in several villages in the Kanibadam region of the Republic of Tajikistan. There are a number of aspects to take into account when researching transnational parenting. This paper is limited to a consideration of transnational practices that link migrant parents and the children they leave behind, e.g. regular home visits, phone calls, and photo and gift exchanges. Parental experience is highly gendered: a mother's departure, as a rule, is not so much stigmatised in the sending community, as it is legitimised by parental obligations. However, financial support is insufficient, and mothers do not withdraw from the upbringing process, but provide emotional support for their children using modern means of communication. There are different modes of involvement in care at a distance, excluding an intensive one, but researchers should avoid normative judgements about the quality of such parenting. Instead more emphasis should be placed on how transnational families overcome distance and negotiate family contexts, and how a sense of familial unity and proximity is constructed.

Keywords: migration, transnationalism, care at a distance, Central Asia.

References

- Abashin S. N., 'Sredneaziatskaya migratsiya: praktiki, lokalnye soobshchestva, transnatsionalizm' [Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2012, no. 4, pp. 3–13. (In Russian).
- Aleksandrov D. A., Baranova V. V., Ivanyshina V. A., 'Deti i roditeli — migranty vo vzaimodeystvii s rossiyskoy shkoloy' [Migrant Children and Parents Interacting with Russian Schools], *Voprosy obrazovaniya*, 2012, no. 1, pp. 176–199. (In Russian).
- Baldassar L., 'Missing Kin and Longing to be Together: Emotions and the Construction of Co-presence in Transnational Relationships', *Journal of Intercultural Studies*, 2008, vol. 29, no. 3, pp. 247–266.
- Baldassar L., 'Transnational Families and the Provision of Moral and Emotional Support: The Relationship between Truth and Distance',

- Identities: Global Studies in Culture and Power*, 2007, vol. 14, no. 4, pp. 385–409.
- Bryceson D., Vuorela U., 'Transnational Families in the Twentieth Century', Bryceson D., Vuorela U. (eds.), *The Transnational Family: New European Frontiers and Global Networks*. Oxford: Berg, 2002, pp. 3–30.
- Carling J., Menjivar C., Schmalzbauer L., 'Central Themes in the Study of Transnational Parenthood', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2012, vol. 38, no. 2, pp. 191–217.
- Florinskaya Y. F., 'Deti migrantov v Rossii: dostup k obrazovaniyu i meditsine' [Migrant Children in Russia: Access to Education and Medicine], *Demoskop*, 2012, no. 515–516. <<http://demoscope.ru/weekly/2012/0515/analit02.php>> (In Russian).
- Harris C., *Control and Subversion: Gender Relations in Tajikistan (Anthropology, Culture and Society)*. London: Pluto Press, 2004, 216 pp.
- Levitt P., Glick Schiller N. G., 'Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society', *International Migration Review*, 2004, vol. 38, no. 3, pp. 1002–1039.
- Levitt P., Jaworsky B. N., 'Transnational Migration Studies: Past Developments and Future Trends', *Annual Review of Sociology*, 2007, vol. 33, pp. 129–156.
- Lutz H., Palenga-Möllenberg E., 'Care Workers, Care Drain, and Care Chains: Reflections on Care, Migration, and Citizenship', *Social Politics*, 2012, vol. 19, no. 1, pp. 15–37.
- Parreñas R. S., 'Mothering from a Distance: Emotions, Gender, and Intergenerational Relations in Filipino Transnational Families', *Feminist Studies*, 2001, vol. 27, no. 2, pp. 361–390.
- Parreñas R. S., 'Transnational Fathering: Gendered Conflicts, Distant Disciplining and Emotional Gaps', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2008, vol. 34, no. 7, pp. 1057–1072.
- Peng Y., Wong M. H. O., 'Diversified Transnational Mothering via Telecommunication: Intensive, Collaborative, and Passive', *Gender and Society*, 2013, vol. 27, no. 4, pp. 491–513.
- Reeves M., 'Staying Put? Towards a Relational Politics of Mobility at a Time of Migration', *Central Asian Survey*, 2011, vol. 30, no. 3–4, pp. 555–576.
- Sabirova G. A., Andreyeva Y. V., 'Deti migrantov i "svoi": shkollnaya družeskaya kompaniya podrostopka' [Children of Migrants and "Their Kind": Teenage Cliques in Schools], *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2014, vol. 72, no. 1, pp. 170–189. (In Russian).
- Skrbiš Z., 'Transnational Families: Theorizing Migration, Emotions and Belonging', *Journal of Intercultural Studies*, 2008, vol. 29, no. 3, pp. 231–246.
- Temkina A., 'Gendernyy poryadok: postsovetskie transformatsii (Severnyy Tadzhikistan)' [Gender Order: Post-Soviet Transformations (Northern Tajikistan)], Kasymova S. R. (eds.), *Gender: traditsii i sovremennost. Sbornik statey po gendernym issledovaniyam* [Gender: Traditions and Modernity. A collection of articles in Gender

- Studies]. Dushanbe: [No publisher given], 2005, pp. 6–92. (In Russian).
- Tolstokorova A., 'Lyubov po telefonu: rol mobilnoy telefonii v transnatsionalnom materinstve ukrainskikh migrantok' [Love over the Phone: the Role of Mobile Telephones in the Transnational Motherhood of Ukrainian Migrants], *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2013, vol. 16, no. 4, pp. 142–158. (In Russian).
- Tyuryukanova Ye. V. (ed.), *Zhenshchiny-migranty iz stran SNG v Rossii* [Migrant Women from CIS Countries in Russia]. Moscow: MAKS Press, 2011, 119 pp. (In Russian).
- Vertovec S., 'Cheap Calls: the Social Glue of Migrant Transnationalism', *Global Networks*, 2004, vol. 4, no. 2, pp. 219–224.
- Zentgraf K. M., Chinchilla N. S., 'Transnational Family Separation: A Framework for Analysis', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2012, vol. 38, no. 2, pp. 345–366.